

Цзинь Жуй на мгновение замер, не ожидая, что папа Хэ задаст такой вопрос. Подумав, он ответил:

— Конечно, нет. Мой отец знает о его существовании, но никогда не видел его. Вы же знаете, что в моей семье всё сложно, и я не хочу, чтобы Дачжуан в это втягивался. Чем меньше он знает, тем лучше для него.

Папа Хэ, не ожидая такого ответа, на мгновение задумался, затем вздохнул:

— Не знать — это тоже хорошо, не знать — это тоже хорошо.

Цзинь Жуй нахмурился, с недоумением глядя на папу Хэ:

— Крёстный, что случилось?

Папа Хэ, казалось, размышлял, опустив голову и не говоря ни слова.

Цзинь Жуй не стал его беспокоить, сидя рядом и ожидая, пока тот заговорит.

Через некоторое время папа Хэ поднял голову и с некоторым беспокойством посмотрел на Цзинь Жуя:

— Жуй Жуй, ты знаешь Ся Юйхуэя?

Услышав этот вопрос, Цзинь Жуй сразу понял, о чём пойдёт речь. Но, сделав вид, что задумался, он лишь кивнул:

— Ну да, а что, крёстный?

Папа Хэ, нервничая, спросил:

— Дачжуан в последние полгода с ним часто общался?

Цзинь Жуй, притворившись, что размышляет, ответил:

— Нет, кажется, я ни разу не видел их вместе.

Папа Хэ, казалось, облегчённо вздохнул и тихо проговорил:

— Ну и хорошо, ну и хорошо.

Цзинь Жуй, однако, заметил всё это, и в уголке его губ мелькнула едва уловимая улыбка. Он спросил:

— Что случилось, крёстный?

Папа Хэ, глядя на него, улыбнулся:

— Ничего.

Цзинь Жуй нахмурился и с некоторым сомнением произнёс:

— Может, это из-за того, что Дачжуан...

Он намеренно сделал паузу, заставив сердце папы Хэ забиться чаще.

Цзинь Жуй, как будто не замечая этого, продолжил, запинаясь:

— Он... он... влюблён в Ся Юйхуэя?

Папа Хэ резко вдохнул, с изумлением глядя на Цзинь Жуй:

— Ты знаешь?

Цзинь Жуй с некоторым смущением кивнул.

— Он тебе сам сказал?

— ...Ну да.

Папа Хэ вздохнул:

— Ох, как же это тебя напугало. На самом деле... когда мы узнали, тоже были в шоке.

Цзинь Жуй покачал головой:

— А вы, крёстный, что думаете?

Папа Хэ снова достал сигарету и закурил:

— Что тут думать? Когда мы узнали, в доме не было покоя. Я чуть не убил его, когда узнал, потом ещё несколько раз бил. Уже даже документы на перевод в другую школу оформили. Но этот упрямец ни в какую не хотел уходить из Первой средней школы. Он обещал, что не будет встречаться с Ся Юйхуэем, но, знаешь, я тогда реально хотел его прибить.

Твоя крёстная и бабушка хотели поговорить с Ян Яном, ну, это уменьшительное имя Ся Юйхуэя. Но я их остановил и сам тихо всё проверил. Оказалось, что Ян Яну вообще всё равно на Дачжуана, так что это, видимо, просто односторонняя любовь с его стороны. Зачем нам тогда идти к нему? Да и семьи Гао и Ся не из тех, кто позволит себя обижать. Если довести их до предела, всё может стать достоянием общественности, и тогда Дачжуану конец.

Потом мы всей семьёй изучили много материалов на эту тему, многое поняли. Понаблюдали за Дачжуаном и поняли, что он не совсем соответствует описаниям. Потом я задал ему несколько вопросов, кхм...

Папа Хэ, казалось, вспомнил что-то неловкое, кашлянул и продолжил:

— Так что я думаю, что Дачжуан просто влюблён в Ся Юйхуэя, как в любимую игрушку из детства, без каких-то других намерений. Это нас немного успокоило.

Но сейчас он в том возрасте, когда всё вокруг кажется новым и непонятным. Я боюсь, что он из-за каких-то неправильных представлений или чувств может пойти не той дорогой и разрушить свою жизнь. Жуй Жуй, я надеюсь, ты сможешь мне позаботиться о нём, чтобы он не свернул на кривую тропу.

Цзинь Жуй внимательно слушал слова папы Хэ и, только когда тот закончил, произнёс:

— Я понял, крёстный, доверьте его мне. Я не позволю ему быть с Ся Юйхуэем.

Быть с ним сможет только я, — подумал он про себя.

Папа Хэ радостно улыбнулся и, глядя на Цзинь Жуя, сказал:

— Спасибо.

Если бы папа Хэ знал, что его любимый сын уже давно был сбит с пути Цзинь Жуюем и тот не даёт ему вернуться, он бы, наверное, был в ужасе.

Хэ Дачжуан проснулся, собираясь пообедать, и, уставившись в потолок, понял, что находится дома. Только тогда он вспомнил, что они с Цзинь Жуюем вернулись в дом Хэ.

В хорошем настроении он вскочил с кровати, зевнул и вышел из комнаты.

Мама Хэ, увидев его, с улыбкой пожурела:

— Ты как раз вовремя поднялся. Иди умойся, будем обедать.

Хэ Дачжуан промычал что-то в ответ и, покачиваясь, направился в ванную.

Когда он вышел, блюда уже были почти все на столе.

Папа Хэ, смотря на него с досадой, сказал:

— Пойди возьми тарелки!

Хэ Дачжуан опять промычал и повернулся, собираясь пойти на кухню.

Цзинь Жуй, неся в руках тарелки и палочки, сказал:

— Не надо, я сам. Садись, будем есть.

Папа Хэ бросил на Хэ Дачжуана недовольный взгляд, но тот, не желая спорить, сел за стол.

Как только он взял палочки, мама Хэ и бабушка, заметив, что все его пальцы заклеены пластырями, с беспокойством спросили:

— Что с твоими руками? Почему всё в пластырях?

Хэ Дачжуан на мгновение почувствовал, как пальцы начали ныть, вспомнив, как их кололи иголками.

Не зная, как объяснить, он замолчал, но Цзинь Жуй с виноватым видом нахмурился и сказал:

— Крёстная, бабушка, это я виноват. Руки Дачжуана мы повредили, когда были в Стране S, в джунглях.

Услышав, что Цзинь Жуй взял инициативу на себя, Хэ Дачжуан решил промолчать, опустив голову и продолжая есть, пока тот выдумывал.

Мама Хэ и бабушка, естественно, переключили внимание на Цзинь Жуя:

— Что случилось?

Цзинь Жуй ответил:

— В тот день мы гуляли, Дачжуан шёл за мной, и вдруг он споткнулся и упал прямо в заросли

колючек. Руки ему всё и поцарапали. Но, к счастью, пострадали только руки, больше ничего. Простите, это я недоглядел.

Мама Хэ и бабушка тут же заговорили:

— Как это может быть твоей виной? Да и ничего страшного, всего лишь несколько царапин. Мужчина должен быть крепким, такие раны вообще не считаются. Но если бы он сам не был таким невнимательным, то и не упал бы. Так что это ему урок, чтобы в следующий раз шёл осторожнее.

Хэ Дачжуан, слушая слова мамы, с силой воткнул палочки в куриное крылышко и начал его грызть, чуть ли не перекусывая кость. Казалось, он кусал не крылышко, а самого Цзинь Жуя.

Однако, несмотря на слова, мама Хэ и бабушка всё равно с беспокойством спрашивали, больно ли ему и всё ли в порядке.

Это немного успокоило Хэ Дачжуана.

Мама Хэ настаивала, чтобы он снял пластыри и показал руки.

Хэ Дачжуан, словно желая отомстить Цзинь Жую, не стал отказываться, позволив маме осторожно снять пластыри с пальцев.

Когда мама Хэ увидела маленькие дырочки на пальцах сына, сначала они казались незначительными. Но когда все десять пальцев были освобождены от пластырей, и она увидела множество маленьких ранок, её сердце сжалось от боли.

Глядя на эти многочисленные дырочки, её глаза наполнились слезами:

— Как так получилось? Так много ран, тебе больно?

Бабушка тоже с сочувствием сказала:

— Как же ты так неосторожен? Посмотри, во что превратились твои руки.

Хэ Дачжуан кивнул. Конечно, было больно. Каждая дырочка означала, что Цзинь Жуй уколол его иголкой десять раз.

Этот тип, похоже, всё заранее спланировал: места уколов были расположены так, чтобы пластырь мог их закрыть. Маленькие дырочки казались незначительными, но когда их было по несколько на каждом пальце, общее число было пугающим.

Мама Хэ, заметив, что некоторые ранки выглядели свежими, нахмурилась:

— Эти, кажется, совсем новые?

Бабушка уже пошла за аптечкой, услышав это.

Хэ Дачжуан поднял взгляд на Цзинь Жуя, словно говоря: «Ну давай, продолжай врать».